Эйлин Драйер

Искушение любовью

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Серия «Очарование» основана в 1994 году

Eileen Dreyer

TWICE TEMPTED

Перевод с английского *А.М. Фроловского*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Драйер, Эйлин.

Д 72 Искушение любовью : роман / Эйлин Драйер ; [пер. с англ. А. М. Фроловского]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-113924-7

Алекс Найт и Фиона Фергусон полюбили друг друга с первого взгляда, но оба понимали, что у их любви нет будущего. Однако единственный поцелуй, которым обменялись влюбленные, запомнился им навсегда.

И теперь, когда брат Фионы, один из отважнейших английских шпионов, сражающихся против Наполеона на тайной службе его величества, мертв, а самой девушке угрожает смертельная опасность, Алекс – единственный, кто может и должен ее защитить. Вынужденная близость заставляет страсть, казалось бы уже угасшую, вспыхнуть с новой силой, и противостоять искушению все сложнее...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Eileen Dreyer, 2014
© Перевод. А.М. Фроловский, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-113924-7

Пролог

Замок Хоузворт, Йоркшир

Приговор леди Фионе Мейв Фергусон Хоуз был вынесен в белом зале. Белый мрамор, белая парча, белый фарфор, окрашенные в белое дубовые панели. Напоминающая о каком-то святилище обстановка придавала словам деда особенную холодность.

Ее шаги были робкими, почти невесомыми, но казалось, что каждый из них отражается эхом от мраморного пола зала. Больше всего хотелось исчезнуть из этого белого пространства: скрыть смятение, закутавшись в желтоватый муслин платья, или убежать наверх, броситься на постель и, уткнувшись в подушку, чтобы никто не слышал, рыдать. Но дойдя до края обюссонского ковра, Фиона остановилась. Ей вдруг показалось, что переполнявший ее хаос может вылиться на безукоризненно белый мраморный пол дедова святилища. Как бы предупреждая это, Фиона прерывистым движением с силой прижала руку к груди. Дыхание перехватило. Впрочем, сделать глубокий полноценный вздох она не могла с тех пор, когда друг Йена Алекс Найт сообщил страшную новость и умчался прочь, унося с собой последние остатки ее детских грез.

О, Йен!

Он действительно покинул их.

Уезжал он и раньше надолго— чуть ли не с детства принимал участие в войнах короля, — но всегда возвращался, причем делал все возможное, чтобы поско-

рее домчаться до своих сестер-близняшек, особенно после смерти их матери. Теперь не так. Теперь Фиона и Мейрид остались на этом свете одни. Страшный приговор деда рассеивал последние сомнения в этом.

— Вы достаточно долго жили здесь, — отдуваясь и кашляя, проговорил дед, прижав жирную ладонь к тучной груди и шагнув вперед.

— Я успела поговорить с Алексом Найтом, — пытаясь преодолеть стеснение, ответила Фиона. — Он оказал нам любезность, лично доставив новость о смерти Йена. Мне всегда казалось, что срок гостеприимства Хоузворта для нас не ограничен. Неужели я ошибалась?

В его глазах появился тот блеск, который всегда вызывал в ней трепет.

— Надеюсь, белый свет не сошелся для вас клином на этом человеке, — произнес дед с едва заметным раздражением. — Но в любом случае мое отношение к нему никак не связано с отношением к вам.

— Думаю, сейчас самое лучшее — оставить его в покое, — произнесла Фиона без всякой видимой реакции на прозвучавший в словах деда намек.

Любой другой, услышав ответ девушки, либо смутился, либо побагровел от злости, но лицо деда сохраняло холодную невозмутимость. Заложив руки за спину, он стоял чуть ли не по стойке «смирно!», как молодой офицер на параде, и отблески солнца, периодически вспыхивавшие в посеребренных сединой прядях, подчеркивали его врожденное достоинство.

Этот полуодетый взъерошенный старик действительно обладал одним из самых высоких титулов в стране. По праву рождения, собственности, внутренним ощущениям и уму это был маркиз Лейбурн, о чем он не забывал никогда. Отношение к незаконнорожденным внучкам, которых он четыре года назад вынужден был оставить в своем доме из-за того, что им просто некуда было идти, конечно же, не было исключением.

— По-моему, к тому моменту, когда я позвал тебя, ты получила достаточно информации, — сказал он хрипловатым, с одышкой голосом.

Она действительно поняла все. Даже раньше. Еще до того как Алекс Найт завершил свой рассказ.

— Да. У меня создалось впечатление, что вы нашли способ обвинить нас с Мейрид в причастности к преступлению, которое якобы совершил Йен.

— Нет причины в данном случае употреблять словечко «якобы», — сухо произнес маркиз, потрясая головой. — Ты слышала, что рассказал его друг: достал ружье при толпе свидетелей и пытался застрелить герцога Веллингтона. Я должен был раньше понять, что он предатель.

«Нет, это не так, я и сейчас в этом уверена», — пронеслось в голове девушки.

— Что касается вас, — продолжил маркиз, доставая часы и открывая крышку, — то вам обеим выделено двадцать пять фунтов содержания. Этого хватит на пропитание, если, естественно, не транжирить.

Маркиз захлопнул крышку часов.

— У меня намечена встреча в Лейбурне, примерно на час, так что, думаю, по возвращении я тебя уже не увижу.

— А Мейрид? — Фиона обхватила себя руками, пытаясь скрыть дрожь. — Вы думаете, ей будет легко скитаться по дорогам?

— Если верить вашим собственным утверждениям, раньше она уже проделывала нечто подобное, — пожал плечами маркиз. — Кто знает, что вообще бы с ней было, если бы я не вмешался? Кроме того, это избавит меня от малоприятных хлопот, связанных с необходимостью вводить ее в общество.

Последнее, конечно же, касалось их обеих. И Фиона, и ее сестра не тешили себя надеждами относительно желания деда прилагать какие-либо усилия в этом направлении.

– Я исполнил свой долг, — сказал он жестко, не допуская возражений. — Сделал все, что от меня зависело. Наша семья ведет свою историю от Завоевателя, и я не могу допустить, чтобы разразился скандал.

А скандала, связанного с историей двух девочек, которые чудом выжили на улице, не случилось бы вообще, если бы они исчезли и никогда не появились в этом доме.

Фиона почти физически ощутила прилив паники. Куда им идти? С той поры, когда их существование на улице зависело полностью от нее, прошло довольно много времени — целых восемь лет. Сохранился ли ее опыт? Остались ли навыки, необходимые для такой жизни? Как они смогут прожить на двадцать пять фунтов?

Слушать брюзжание маркиза ей не хотелось, и, не говоря ни слова, Фиона направилась к двери.

— Ну и куда вы теперь? — хрипло бросил ей вдогонку дед.

Фиона, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, обернулась и холодно произнесла, чуть приподняв брови, даже не представляя, насколько точно скопировала его:

— Не думаю, что это может быть вам интересно, сэр.

Но ее сердце уже отстукивало ответ на вопрос: *домой! Конечно же, назад в Эдинбург, такой родной, где ей известно все — улицы, люди, цены на продукты...*

— Напротив, очень даже интересует, — быстро возразил маркиз, и, казалось, в горле у него что-то булькнуло. — Я должен быть уверен, что вы больше не сделаете ничего такого, что может запятнать честь нашей семьи.

Впервые за время разговора почувствовав что-то похожее на удовлетворение, девушка улыбнулась — наконец-то представилась возможность хоть как-то отомстить за все, что им с сестрой пришлось пережить под этой крышей.

— В таком случае, дедушка, боюсь, что вас ждет страшное разочарование, — произнесла она и направилась к выходу.

Через несколько мгновений дверь за Фионой Фергусон плотно закрылась. На человека, с которым когда-то связывала надежду на спасение, она больше не взглянула ни разу.

Глава 1

Месяц спустя

Алекс Найт не мог поверить в реальность произошедшего. Однако действительно, как последний простак, он стоял в белом зале замка Хоузворт перед захлопнувшейся перед носом дверью.

— Черт-те что!

Он скакал без остановки три дня, чтобы сообщить маркизу Лейбурну лучшую из новостей, какую только можно ожидать, а старый ублюдок так его огорошил.

Стоявший рядом с ним Чаффи Уайлд, в изумлении раскрывавший рот, будто выброшенная на берег форель, наконец, почесывая толстым пальцем нос, вымолвил:

— Может, я чего-то не понял? Он что, действительно только что сказал, что выбросил своих внучек на мороз?

— Да, — кивнул Алекс, продолжая смотреть на дверь, которую захлопнул старик. — Полагаю, именно это он и сделал.

С этими словами молодой человек распахнул дверь и вбежал в холл.

Маркиз поднимался по белой мраморной лестнице, едва касаясь ладонью перил. Спина его была столь же безукоризненно пряма, как и мораль, на обладание которой он претендовал. Если бы старик не двигался, Алекс вполне мог бы принять его за одну из статуй, украшавших лестницу.

— Всего одно слово, сэр!

Маркиз даже не остановился.

— Мне больше нечего добавить.

— Может быть, вы не так поняли... — Алекс старался говорить как можно сдержаннее и доходчивее. — Ваш внук жив, и с него сняты обвинения в измене. Герцог Веллингтон даже похвалил его за храбрость. Это же отличная новость!

Но, как оказалось, не для маркиза.

— Вы полагаете, что я плохо слышу?

— Я полагал, что вы неправильно меня поняли. Иначе, как благородный человек, вы не гуляли бы спокойно, не будучи уверенным, что ваши внучки в безопасности.

Сохраняя на лице абсолютное непонимание, маркиз даже не приостановился, когда произнес ледяным тоном:

— Вы сомневаетесь в моей чести, сэр? В моей?

— О какой вы говорите чести? — выпалил Алекс. — Человек чести никогда не оставит без заботы беззащитных женщин, несмотря ни на какие слухи. Где они?

Маркиз неопределенно махнул рукой.

— Они уехали после вашего последнего визита. Теперь все это меня больше не касается.

У Алекса перехватило дыхание. Он неоднократно слышал выражение «приходить в ярость», но только сейчас до конца понял, что оно означает. Доставив известие о смерти Йена, он оставил Фиону в совершенно подавленном состоянии, но оставил на этого человека.

— Это значит, что именно в тот день, когда ваши внучки узнали о смерти брата, вы выгнали их из дома?

Выражение лица маркиза стало еще более холодным, если это, конечно, возможно, когда он произнес:

— Вы получили ваш титул совсем недавно, лорд Уитмор. Возможно, со временем вы начнете осознавать, что это означает и какие обязанности накладывает. Мой род за восемьсот лет ничем не запятнал себя, и так будет впредь.

Наступившую вслед за этим тишину нарушило какое-то хмыканье — едва ли не хрюканье. Оглянувшись, Алекс увидел странно подергивающегося Чаффи с покрасневшими от усилий сдержать смех глазами.

— Прошу прощения! — выпалил Уайлд, размахивая руками. — Вот умора! Святое семейство, да и только! А между тем история Лейбурнов далеко не без-

грешна: тут тебе и пираты, и разбойники, как мне рассказывал патер.

— Бездельник! — прохрипел маркиз. — Да твой отец, должно быть, покой потерял из-за тебя.

— Пусть так, — усмехнулся Чаффи. — Но позвольте один вопрос, который и он вам бы задал. С Фергусона сняты все обвинения. Так почему же вы и после этого не хотите изменить отношение к девушкам? Не самое безупречное поведение, не так ли?

— Он остается шпионом! — выпалил старик. — А джентльменом быть перестал, унизившись до такого поведения. Что касается его сестер, они, видимо, вернулись на улицу, откуда, собственно, и пришли. Я нашел другого наследника. Можете передать им. Поэтому то, что происходит с Фергусонами, меня больше не интересует.

Алекс чуть выдвинулся вперед, преграждая путь маркизу.

— Четыре года назад я привез ваших внучек по вашему собственному приказу. Как вы могли так поступить с ними — просто взять и выбросить?

— Они не так плохо жили до этого, так что, думаю, без особых проблем проживут и теперь. Имевшийся до того, как я их нашел, опыт добывания одежды и еды никогда не забывается такими женщинами.

Алекс ощутил внутренний холод. Он всего лишь два раза встречался с Фионой, но после каждой из этих встреч уважение к девушке заметно возрастало. Каким же грубым чудовищем надо быть, чтобы смотреть в эти голубые глаза и не замечать светящегося в них врожденного благородства?

Мокрые губы маркиза расплылись в неприятной улыбке.

— Подумай сам, Уитмор: как они могли зарабатывать на хлеб на улицах Эдинбурга? Добрые шотландские красавчики никогда не выпустят яблочко, коли уж оказалось в их лапах.

У Алекса перехватило дыхание.

— Девочкам не было и четырнадцати, когда Йен нашел их и отвез в пансион мисс Чейз.

— Я слишком стар для того, чтобы всем этим заниматься, — криво усмехнулся маркиз. — И не думай, что я драматизирую. А ты знаешь, что эта волчица од-

нажды бросилась на меня с ножом? Да-да, она пронесла его под подвязкой. А мой секретарь как-то забылся настолько, что предложил ей посоревноваться в стрельбе. И проиграл! Он должен быть мне благодарен, что я не выгнал его за этот проступок. А она должна быть счастлива, что я не выбросил ее в болото. Не желаю больше мотать себе нервы в ожидании проявления какого-то еще из ее талантов. Нет, достаточно. Мне хочется покоя в собственном доме.

— Не стоило поступать так с ними без Фергусона, — покачал головой Чаффи. — Он все равно узнает. Не хотел бы я оказаться на вашем месте, когда он приедет. Придется объяснять, оправдываться, а то и защищаться...

— Я не посмотрю, что твой отец был моим другом! — сверкнул глазами маркиз. — Убирайся!

— Только вместе с леди, — парировал Чаффи, подмигнув Алексу.

— Я же сказал вам: их здесь нет.

— Но где-то же есть.

«Где-то. О боже, как теперь их искать? — пронеслось в голове у Алекса. — Ведь прошел целый месяц».

— Если мы их не найдем, — сказал Алекс старику, — то все, что есть у меня и моих друзей, будет потрачено на то, чтобы все узнали, как и почему это произошло. Вас будут поносить сильнее, чем принцессу Каролину, а желающих протянуть вам руку значительно поубавится. Естественно, я постараюсь не мешать Йену — он ведь непременно что-то предпримет. А у него тоже есть друзья.

Алекс понял, что на этот раз слова явно встревожили маркиза. Старик побледнел, и глаза его сузились. На свое счастье, он воздержался от возражений, а просто продолжил подъем по лестнице, передвигая руку неровными рывками.

— Не знаю, как ты, — сказал, водружая на нос очки, Чаффи, — а я полагаю, что самое время поговорить с людьми, которые знают, что тут на самом деле происходило.

Последовавшие за этим четыре часа они провели, расспрашивая слуг, но узнать удалось только об унижениях и огорчениях и почувствовать их едва сдерживаемую злость на хозяина. Камеристка Фионы рыдала, по-

вар, не более многословный, чем его разделочная колода, с шумом бил ножом ни в чем не повинную баранину, дворецкий, костистый старый татарин с напоминающим пингвина профилем, методично складывал и разворачивал украшавший его носовой платок. Из бесед создалось впечатление, что любой из обитателей этого поместья при необходимости выбора поднес бы стакан воды отнюдь не маркизу, а леди Фионе. Но в поисках девушек им это помочь не могло.

— Т... вы отвезете их в безопасное место, домой? — путая слова и глядя на него полными слез карими глазами, вопросила экономка. — Ведь это так, да?

— Да, это так, — солгал Алекс, не в силах сказать этим людям, насколько призрачными были шансы на выполнение подобных намерений. — Я их увезу. Но куда, по-вашему, они могли направиться, когда уехали отсюда?

— Кучер довез их до «Черного лебедя», что в Лейбурне.

— А потом?

Женщина, лицо которой стало еще более растерянным, пожала плечами:

— Говорят, уехали. А оттуда можно уехать куда угодно.

Больше этого не смог сообщить никто. Алексу и Чаффи не оставалось ничего иного, кроме как начать розыски с «Черного лебедя», длинного приземистого здания из серого булыжника, расположенного на рыночной площади Лейбурна. Хозяин, сонный, худой и такой высокий, что едва не упирался головой в верхнюю перекладину двери, припомнил, что помог девушкам сесть в лондонский почтовый дилижанс. Но больше ничего определенного он сказать не мог за исключением того, что леди Мейрид выглядела растерянной, а мисс Фиона была, как всегда, спокойна.

Поскольку уже заметно темнело, молодым людям пришлось заняться поиском безопасного убежища для ночлега. Вполне подходящим в качестве такового обоим показался постоялый двор с пивной, где нашлись эль и пирог с дичью. Разместившись за испещренным царапинами дубовым столом под колеблющимся светом лампы, друзья продолжили свои изыскания.

— Может, у них есть друзья, к которым можно было поехать? — предположил Чаффи, отдавая

должное ужину. — Сестра ничего тебе не говорила? Ведь учились вместе и все такое...

— Нет, Пип обязательно сообщила бы мне. Особенно если бы узнала, что их выгнали из дома. Пип обладает обостренным чувством справедливости.

Именно чувству справедливости сестры он во многом был обязан и знакомством с Фионой.

— Ох уж эта Пип, маленькая злючка! — поправляя постоянно съезжающие на нос очки, хмыкнул Чаффи. — Помню, как она врезала мне по носу за насмешки над той девчонкой Риппонов. — Он почесал переносицу. — Я ж без всякого зла, конечно. Не знал, что она такая стеснительная. Но никогда не забуду...

Алекс кивнул, хотя практически не слушал приятеля. Он вспоминал тот день, когда впервые увидел Фиону Фергусон. Ей тогда было шестнадцать. Она уезжала из школы, в которую определил ее брат, а Алекс, мрачный из-за головной боли, мучившей его после чрезмерной дозы выпитого накануне вечером бренди, пришел туда, чтобы по настоянию сестры помочь ее подруге. Разыскивая подходящий кеб, он и увидел впервые высунувшуюся из окошка Фиону. Высокая, стройная, лицо с чуть широковатыми высокими скулами, круто изогнутые брови и сияющие голубые глаза. В этой обманчиво хрупкой девочке уже просматривалась настоящая женская красота. А золотистые волосы! Таких красивых ему до сих пор не приходилось видеть. Поблескивая на солнце, будто в них застряли дождевые капли, пряди казались вытканными из чистого золота. Решительная и уверенная в себе, она ехала к сестре и явно была готова бесстрашно ринуться на помощь, угрожай той какие-либо неприятности. Немножко волнуясь, она грациозным движением поправляла свои шикарные волосы.

Но когда он видел ее в последний раз месяц назад, Фиона изменилась: выглядела тихой, усталой и напряженной, будто ей жали слишком тесные новые туфли. Тот неукротимый блеск в ее неописуемых голубых глазах, который невольно приковывал его внимание, сменился какой-то настороженной отрешенностью. Одежда на ней была дорогая. Платье из индийского муслина и обувь из

кожи молодого козленка будто утверждали, что у нее все как надо, как и должно быть. Только странная бледность мешала в это поверить.

Что произошло? Что смирило неукротимый дух, благодаря которому она смогла выжить до шестнадцати лет в обстановке лишений, неопределенности и смертей? Почему он не догадался, что с Фионой может что-то случиться? Почему он даже не поинтересовался, выезжает ли она в свет? Задав себе этот вопрос, он сразу вспомнил, что, после того как приехала его сестра Пип, он ничего на этот счет не слышал. А через год после этого? Ну, большую часть того сезона выходов он провел на континенте в роли посредника между казначеями Веллингтона и Ротшильда. Неожиданно Алекс ощутил прилив гнева: злился на маркиза, на превратности судьбы, а больше всего на себя самого. Тогда, четыре года назад, его примитивный ум рассудил, что все, в чем нуждается сестра Йена, — это домашнее тепло и пища. Вполне естественно, что когда они привезли ее в долины Йоркшира, в этот просторный дом ее деда, он решил, что девушка оказалась в раю. А ведь уже то, что Фиона с сестрой умирала от тоски в одиночестве, даже брат к ним не приезжал, должно было заставить задуматься. Таким ли уж чудесным для них было обретение семьи?

Беда в том, что он подсознательно перенес отношения в своей семье на всех, хотя, конечно же, знал, что они отнюдь не у всех такие. Алекс искренне любил не только мать и сестер, но и отчима, который, собственно, и обучил его практически всему, что требуется знать джентльмену. Семья для Алекса была лучшим подарком, который можно ждать от судьбы. О том, что существуют семьи, в которые совсем не хочется возвращаться, он почему-то забыл.

Размышления прервало нарочито громкое покашливание — вроде как Чаффи прочищал горло. Подняв глаза, Алекс обнаружил мужчину средних лет, который стоял возле их стола и теребил свою бобровую шапку.

— Лорд Уитмор? — обратился к нему незнакомец.

Алекс кивнул.

— Слава богу! А то я уже начал бояться, что не найду вас.

Алекс и Чаффи поднялись, приветствуя не слишком привлекательного на вид джентльмена, — Чаффи даже не вынул из-за воротника салфетку.

— Чем можем служить? — спросил Алекс.

— Гилберт Брюс-Джонс, секретарь маркиза, — представился незнакомец, протягивая руку. — Я недавно вернулся и застал маркиза готовым снести голову любому, кто попадется под руку. Слуги запуганы. И насколько я понял, все это из-за того, что некие два джентльмена призвали его сиятельство к исполнению обязанностей.

Далее произошел обмен рукопожатиями. Они назвали свои имена. Он снял верхнюю одежду. Алекс вновь уселся на свой стул и, отхлебнув эля, оценивающе взглянул на нового знакомого. Тот выглядел примерно так же, как и множество других секретарей, с которыми ему приходилось встречаться: подтянутый, опрятно одетый, с аккуратно подстриженными рыжевато-серыми волосами и ничем не примечательными чертами лица, — явно из тех, кто старается не привлекать к себе внимания.

— Брюс-Джонс? — переспросил Чаффи, взяв в руки нож и вилку. — Знаю вашу семью. Вежливые люди, но в деньгах, сдается, не шибко удачливые.

Брюс-Джонс усмехнулся, но Алекс уловил смущение, промелькнувшее в его серых глазах.

— Вы абсолютно правы, милорд, — сказал секретарь, потерев правой рукой свой шелковый жилет, как будто пытался что-то на нем обнаружить. — Спасибо моему кузену маркизу за эту должность.

— Да ерунда все это, — произнес Чаффи, тряхнув головой. — У старикана, может, кишки слипаются от скупости, но коробочка, похоже, варит нормально.

Явно не зная, как реагировать на это заявление, растерянный Брюс-Джонс повернулся к Алексу.

— Сожалею, что меня не было, когда вы приехали, но, честно говоря, сомневаюсь, сумел бы я чем-то помочь.

Алекс подождал, пока медлительный трактирщик закрыл свой кран, принес кружку с элем для Брюс-Джонса и лишь затем продолжил разговор:

— У вас действительно нет предположений, куда могли подеваться сестры?

— Действительно нет.

Брюс-Джонс приподнял кружку, но пить не стал.

— Мне трудно объяснить, как сильно я переживал за них. Если бы мог, то послал бы за ними на Боу-стрит. Если бы я был тогда там...

— А вас не было? — спросил Алекс.

Вновь печальный кивок и торопливое прикосновение к жилету.

— Я был в Лондоне по делам маркиза. А когда вернулся домой, леди Фиона и леди Мейрид уже уехали. Это первое, о чем мне рассказали безутешные слуги. — Он наклонился и понизил голос, будто намеревался сообщить нечто секретное. — Все их так любили!

— И леди Мейрид? — спросил Алекс. — Я слышал, что она... что с ней было не все просто.

— А вы не знакомы с ней?

— Мы никогда не встречались раньше. Я как раз собирался с ней познакомиться.

Брюс-Джонс улыбнулся почти по-отцовски:

— Леди Мейрид, да... Она особенная. Тем не менее я переживаю за нее. Она не совсем правильно реагирует, когда ей запрещают вести себя привычным для нее образом.

Алекс заметил, что при этих словах Чаффи начал усиленно чесать нос. Это было явным признаком, что его что-то беспокоит.

— Мисс Велер сказала, что внук маркиза жив и оправдан, — продолжал между тем Брюс-Джонс. — Это прекрасно! Когда мы сможем увидеть виконта?

Алексу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что речь идет о Йене Фергусоне. Когда ему представляли этого шотландца, тот был не более чем удачливым бродягой из Эдинбурга, который благодаря ловкости и каким-то трюкам попал на службу в «Черный дозор»*. И даже

---

* Элитное шотландское подразделение армии Великобритании, известное с 1725 г. как «Дозор», обязательной униформой которых был черный шотландский килт. — *Примеч. пер.*